

Grey Scale #13

A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11 12 13 14 15 B 17 18 19

Е. Зеландъ-Дубельтъ.

Р49,234

КЪ ДВУХСОТЛѢТІЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

27 іюня

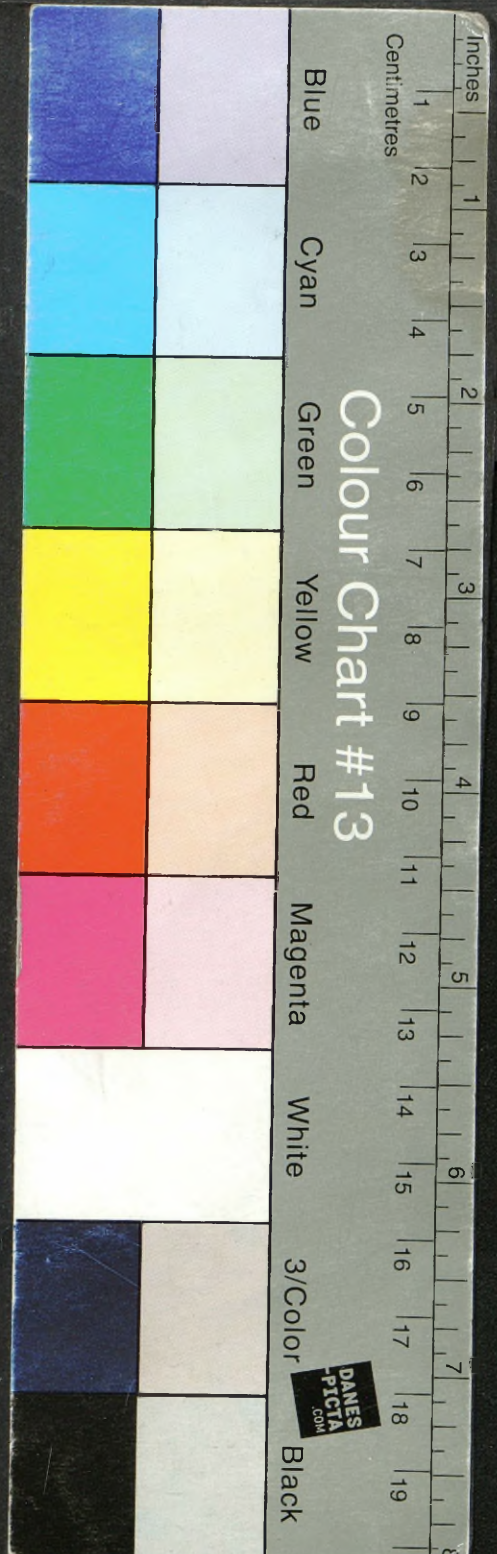
1709—1909 г.

Полтавская битва.

Краткій очеркъ начала Сѣверной войны. Полтавская битва. Значеніе Полтавской побѣды во внѣшней политикѣ Петра Великаго и въ дѣлѣ внутренняго преобразованія Россіи.

— Цѣна 15 коп. —

Симбирскъ.
Губернская Типографія.
1909.

Е. Зеландъ-Дубельтъ.

ВЧДЗК
КЪ ДВУХСОТЛѢТІЮ
ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

27 іюня

1709—1909 г.

Полтавская битва.

Краткій очеркъ начала Сѣверной войны. Полтавская битва. Значеніе Полтавской побѣды во внѣшней политикѣ Петра Великаго и въ дѣлѣ внутренняго преобразованія Россіи.

— Цѣна 15 коп. —

Симбирскъ.
Губернская Типографія.
1909.

Р. 49. 231

101-

Е. Зеландъ-Дубельтъ.

3267,

КЪ ДВУХСОТЛѢТІЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

27 іюня

1709—1909 г.

Полтавская битва.

Краткій очеркъ начала Сѣверной войны. Полтавская битва. Значеніе Полтавской побѣды во внѣшней политикѣ Петра Великаго и въ дѣлѣ внутренняго преобразования Россіи.

— Цѣна 15 коп. —

Симбирскъ.
Губернская Типографія.
1909.

355.9 (04/14) : 9 (47) 01

33713 | 2

L.
1946

„Мы, тако рѣчи, изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политическихъ народовъ присовокуплены“...
(Изъ рѣчи канцлера Головкина Петру Великому при празднованіи Ништадтскаго мира).

Въ жизни каждаго народа бываютъ событія исключительной важности, мѣняющія такъ очевидно и вмѣстѣ счастливо ходъ исторіи, что значеніе ихъ, выходя далеко за предѣлы современности, не только не слабѣетъ съ теченіемъ времени, наоборотъ, растетъ въ сознаніи потомства.

Къ числу такихъ безспорно великихъ событій русской исторіи принадлежитъ Полтавскій бой, разрѣшившій славной побѣдой вѣковой споръ Россіи со Швеціей за побережье Балтійскаго моря, принадлежавшаго еще Новгородской пятинѣ.

Это стремленіе Россіи къ морю, ея медленное, но неослабное движеніе съ Востока на Западъ, отъ Азіи къ Европѣ, началось съ XV вѣка, тотчасъ послѣ сверженія монгольскаго ига, особенно проявившись затѣмъ въ царствованіи Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, Алексѣя Михайловича. Но тяжелое лихо-

лѣтъ внутреннихъ смуть, самозванства, набѣги татаръ, казаковъ сильно замедляли подобное движеніе. Борьба съ Польшей и Швеціей, плотно заградившими собой путь къ морю, оказалась не по силамъ русскому народу, по характеру не воинственному, матеріально не подготовленному къ войнѣ, не имѣвшему еще хорошо обученной, дисциплинированной арміи. И борьба завершилась Столбовскимъ договоромъ, отдавшимъ Швеціи области, „которыя по Божьей милости и по праву, въ сущности принадлежатъ Россіи“... какъ говорилъ впоследствии царь Петръ.

Тѣмъ не менѣе, тяготѣніе Россіи къ морю, подобно каждому историческому явленію, основанному на жизненныхъ интересахъ народа, на потребностяхъ его духа, не могло исчезнуть, напротивъ, все увеличивалось, становилось сильнѣй. Россія, созрѣвъ окончательно для необходимаго преобразования изъ обособленнаго, исключительно земледѣльческаго и полуазіатскаго царства въ торгово-промышленное сильное европейское государство, вполне пріобщенное къ политико-экономической и умственной жизни Европы, ждала только вождя, ждала „скипера славнаго“, способнаго безстрашно провести корабль народа въ открытое море новой славной жизни, ждала Петра! И геній царя вполне схватилъ всю необходимость для переустройства Россіи свободнаго доступа ея къ Балтійскому морю, ставшему

главнымъ пунктомъ торговой и культурной жизни Европы. Исключительно ради этой цѣли и началъ Петръ отважно, даже дерзко войну съ грозной Швеціей, считавшейся въ то время непобѣдимой. (1700 г.).

Европа, относившаяся къ слабой Россіи съ презрѣніемъ вмѣстѣ враждебностью, боясь ея усиленія, рѣшила не только не помогать Петру въ этой неравной борьбѣ, но всячески мѣшать ему. А союзники царя: Данія и курфюрстъ Саксонскій вмѣстѣ король польскій Августъ, обобранные Швеціей, стремились только воспользоваться русскими деньгами и войсками, ничуть не думая помочь Петру, не желая даже дѣлиться добычей съ царемъ, способнымъ „выхватить изъ подъ носа жаркое“.

Такимъ образомъ Петру пришлось рассчитывать только на себя и на свое войско, уже реформированное имъ, но состоявшее исключительно изъ плохо обученныхъ неопытныхъ рекрутовъ, подъ командой тоже неопытныхъ офицеровъ. Неудивительно, что при первомъ же сраженіи подъ Нарвой, русскіе, не смотря на все свое мужество, признанное даже врагомъ, были на голову разбиты сравнительно немногочисленнымъ, но блестящимъ, прекрасно дисциплинированнымъ шведскимъ войскомъ, во главѣ котораго стоялъ король Карль XII, одаренный исключительными талантами полководца.

Истинно великій человѣкъ всегда готовъ

къ счастью и несчастью, при чемъ неудача поднимаетъ только сильнѣй его энергію.

„Неволя лѣность отогнала и войну вести съ опасеньемъ и искусствомъ велѣла“...

Такъ оцѣнилъ царь значеніе Нарвскаго пораженія и, не павъ духомъ, рѣшилъ продолжать войну, въ которой видѣлъ при томъ школу выносливости, мужества, патриотизма, необходимую пройти народу, долженствующему наконецъ занять свое мѣсто посреди другихъ европейскихъ народовъ. Пользуясь тѣмъ, что Карлъ XII обратился на Августа и „увязъ въ Польшѣ“, Петръ началъ съ своей несокрушимой энергіей собирать, учить новыя войска, лить изъ колоколовъ пушки, вооружать пограничные города, неутомимо работая самъ, заставляя работать всѣхъ, и женщинъ, и даже священниковъ.

Результаты этой кипучей дѣятельности быстро сказались въ цѣломъ рядѣ побѣдъ надъ шведами, которыхъ русскіе били по частямъ, слѣдуя осторожной тактикѣ царя, рѣшившаго избѣгать новой „генеральной баталіи, яко дѣла зѣло опаснаго“... Завоевавъ понемногу балтійское побережье, взявъ Нотербургъ, древній Орѣшекъ, переименованный царемъ въ Шлисельбургъ, Петръ исполнилъ наконецъ свою завѣтную мечту и заложилъ въ 1703 г. въ устьяхъ Невы Петербургъ. Царь готовъ былъ этимъ удовольствоваться и заключилъ бы охотно со шведами миръ, тѣмъ болѣе, что не ис-

каль личной славы, и, какъ истинно русскій человѣкъ, не стремился къ завоеваніямъ.

Но избалованный успѣхами Карль XII, передъ военнымъ геніемъ котораго преклонялась вся Европа, не придавалъ значенія успѣхамъ русскаго оружія и не отвѣчалъ даже на мирныя предложенія царя. Полный увѣренности въ своемъ непоколебимомъ могуществѣ, король самонадѣянно рѣшилъ, покончивъ окончательно съ Августомъ, терпѣвшимъ одно пораженіе за другимъ, идти затѣмъ въ Москву и, пользуясь недовольствомъ народа, свергнуть царя съ престола, а на его мѣсто посадить своего любимца Якова Собѣскаго.

— Хочетъ Карль воевать, я готовъ, надѣясь на Божью помощь, ибо дѣло мое правое, — сказалъ царь и совершилъ рядъ блистательныхъ военныхъ дѣлъ въ Лифляндіи, Эстляндіи, завоевалъ Дерптъ, Нарву, взялъ Митаву.

Но теперь, для сохраненія, упроченія всѣхъ этихъ завоеваній, явилась уже настоящая потребность въ той „генеральной баталіи“, въ томъ „рѣшительномъ дѣлѣ“, котораго Петръ такъ тщательно избѣгалъ. Въ свою очередь Карль XII, возведя на польскій престолъ Лещинскаго и заставивъ Августа отказаться отъ союза съ царемъ, хотѣлъ помѣряться силами съ Петромъ. Въ августѣ 1707 г. шведское войско двинулось изъ Саксоніи, отлично обмундированное, вооруженное, обогащенное золотомъ и, привыкнувъ къ побѣдамъ, грозилося

„изгнать русскую каналью изъ Европы плетью безъ оружія“. Но избалованная покоемъ и привольемъ продолжительной, роскошной стоянки въ Саксоніи, армія шла въ сущности неохотно, безъ прежней выносливости и воинственности.

Царь, вѣрный своей осторожной тактикѣ, приказалъ полководцамъ отнюдь не вступать со шведами въ битву въ Польшѣ, но заманивать непріятеля къ границамъ Россіи, опустошая при этомъ мѣстности, которыми непріятель долженъ будетъ идти, портя мосты, мѣшая при переправахъ.

Благодаря этому геніальному плану, шведскія войска начали терпѣть всяческія лишенія тѣмъ болѣе, что польское населеніе, раздраженное безчеловѣчнымъ отношеніемъ шведовъ, выказывало имъ крайнюю враждебность. Но еще хуже пришлось непріятельской арміи, когда она вступила въ предѣлы Украйны. Народъ, вопреки универсаламъ Карла XII и „проклятаго Гетмана“, измѣнника Мазепы, оставался вѣренъ царю и, видя въ шведахъ враговъ, старался вредить имъ, истреблять ихъ. Къ тому же наступила необычайная по своей лютости зима. Между тѣмъ Петръ, не допустивъ Карла XII соединиться съ вспомогательной шведской арміей, спѣшившей подъ начальствомъ Левенгаупта изъ Лифляндіи, нанесъ Левенгаупту жестокое пораженіе при деревнѣ Лѣсной, 28-го сентября 1708 г. Левенгауптъ привелъ къ Карлу XII лишь оста-

токъ войскъ и безъ обоза, припасовъ и военныхъ снарядовъ, которыхъ ждалъ король.

Эта побѣда „матка Полтавской побѣды“, какъ назвалъ ее впоследствии Петръ, была первой крупной побѣдой русскихъ надъ шведами, превосходившими при томъ численностью наше войско, и произвела сильное впечатлѣніе на непріятеля, поколебавъ его самоувѣренность.

Одинъ только Карлъ XII, по прежнему ослѣпленный самомнѣніемъ, не хотѣлъ видѣть блестящихъ успѣховъ въ военномъ дѣлѣ, сдѣланныхъ русскими войсками, вмѣстѣ съ своимъ Царственнымъ Вождемъ. Не допуская даже мысли о мирѣ, король продолжалъ тяжелый походъ и весной 1709 г. осадилъ Полтаву.

Въ сущности, эта крѣпость не имѣла для него особеннаго значенія, но неожиданное сопротивление ея мужественнаго гарнизона, подъ командой извѣстнаго своей храбростью полковника Келина, раздражило короля, рѣшившаго взять Полтаву во что бы то ни стало. И вотъ Карлъ XII сталъ бесполезно губить войско и время на эту осаду, не обращая вниманія, какъ бы не замѣчая, что его со всѣхъ сторонъ начинаютъ окружать русскія войска подъ начальствомъ Шереметева и Меньшикова, успѣвшихъ наконецъ соединиться, и къ которымъ 26-го мая прибылъ самъ Петръ.

И все же царь, боясь довѣриться случайности, предпочелъ бы освободить Полтаву

безъ рѣшительной битвы. Но осажденные дали знать письмами въ пустыхъ бомбахъ, что всѣ артиллерійскіе снаряды на исходѣ и долго держаться крѣпость не можетъ.

— Спаси насъ погибающихъ!— писали царю мужественные защитники Полтавы, въ числѣ которыхъ было до 25 тыс. горожанъ, вооруженныхъ Келинымъ и присягнувшихъ умереть но не сдаваться, побивъ камнями одного изъ согражданъ, предложившаго сдачу города.

Петръ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено дать „генеральное сраженіе“ и назначено мѣсто битвы: по берегу Ворсклы отъ лѣваго берега Полтавки, при чемъ болотистые берега обѣихъ рѣкъ и редуты, а въ верховьяхъ Полтавки густой лѣсъ должны были раздѣлять русскихъ отъ шведовъ. Такимъ образомъ, стала уже неизбѣжной окончательная схватка двухъ сѣверныхъ богатырей.

Европа, по прежнему враждебная Россіи, ждала молчаливымъ но внимательнымъ зрителемъ чѣмъ кончится эта упорная, уже девять лѣтъ длящаяся, кровавая борьба.

Ждала также предусмотрительно задаренная царемъ Турція, сдерживая и крымскаго хана, но готовая въ случаѣ пораженія Петра, броситься тотчасъ на Россію. Ждала и Польша, въ конецъ опустошенная, обезсиленная, ненавидя равно и шведовъ, и москалей.

Трепетно, со страхомъ ждала вся Украина, хорошо сознавая, что въ случаѣ торжества

шведовъ, Малороссіи грозить новое уже окончательное порабощеніе поляками, а вмѣстѣ гибель ея народности и вѣры.

Словомъ, лѣтомъ 1709 г. вниманіе всего цивилизованнаго мира было страстно приковано къ одной точкѣ: къ Полтавской равнинѣ, на которой рѣшался вопросъ не только будущаго величія и мощи Россіи, но, быть можетъ, самаго даже ея существованія. Конечно, никто не признавалъ лучше Петра всю громадность ставки, которая ставилась имъ на карту предстоящаго боя. Но теперь, когда битва была неизбежна, это сознаніе, вмѣстѣ съ увѣренностью, что имъ сдѣлано для успѣха русскаго оружія рѣшительно все, доступное только человѣческимъ силамъ, должны были сильнѣй поднять энергію, мощь его пламенной титанической души, подкрѣпленной при томъ горячей вѣрой въ благое Провидѣніе.

16-го іюня царь началъ переправлять войска за Вореклу, искусно скрывъ отъ короля шведскаго, наблюдавшаго за движеніемъ русскихъ, гдѣ именно онъ намѣренъ дать битву. Здѣсь, тыломъ къ Вореклѣ, царь укрѣпился обширнымъ ретраншементомъ, передъ которымъ тянулась долина почти въ три версты шириною, окаймленная съ сѣвера лѣсомъ, отлѣявшимся отъ лѣса въ верховьяхъ Полтавки промежуткомъ версты въ двѣ. Черезъ этотъ проходъ въ долину, занятую русскою арміею, царь хотѣлъ устремиться на шведовъ и от-

тѣснить ихъ за лѣсъ по теченію Полтавки. Опасаясь, однако, что шведы, предупредивъ его, произведутъ стремительный натискъ, царь воздвигнулъ въ этомъ промежуткѣ шесть сильныхъ редутовъ, на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другого. Затѣмъ, изъ предосторожности, приказалъ начать отъ линіи этихъ редутовъ еще новую линію, перпендикулярно къ срединѣ ихъ, состоящую изъ четырехъ редутовъ.

Всѣмъ распоряжаясь, за всѣмъ наблюдая, все стараясь предвидѣть, Петръ, боясь указаній перебѣжчика шведамъ, позаботился чтобы новонабранный полкъ, одѣтый за недостаткомъ зеленого сукна въ сѣрое, перемѣнился мундирами съ однимъ изъ самыхъ лучшихъ полковъ—новгородскимъ, которому пришлось, дѣйствительно, выдержать, во время боя, отчаянную атаку непріятели. Въ то время какъ царь примѣнялъ къ дѣлу всю свою опытность, всѣ свои знанія и проявлялъ самую кипучую дѣятельность, Карлъ XII, раненый вслѣдствіе своей неосторожности казацкимъ пикетомъ, перенесъ мучительную операцію ноги, заставившую его пролежать два дня въ палаткѣ, а затѣмъ медленно ѣздить по войскамъ въ качалкѣ.

24-го іюня шведы произвели вновь отчаянную, но послѣднюю уже атаку Полтавы, геройски отбитую осажденными. Женщины, юноши, даже дѣти—всѣ устремились на валы помогать сражающимся, спасать раненыхъ,

уносить мертвыхъ. Велѣвъ продолжать обстрѣливать городъ, Карлъ XII началъ готовиться къ битвѣ, которую Петръ намѣревался дать въ день своего тезоименитства. Но 25-го іюня, унтеръ офицеръ семеновскаго полка, нѣмецъ, перебѣжалъ къ шведамъ и царь, боясь, чтобы перебѣжчикъ не успѣлъ открыть непріятелю всѣ подробности приготовленій русскихъ, поспѣшилъ съ сраженіемъ.

26 го іюня Петръ объявилъ генераламъ диспозицію и, не рѣшаясь никому довѣрить главное начальство, принялъ его на себя. Меньшиковъ былъ назначенъ командиромъ всей конницы, князь Рѣпинъ пѣхоты, Брюсъ артиллеріи, фельдмаршалъ Шереметевъ командиромъ центра, а Голицынъ и Алартъ праваго и лѣваго крыльевъ. Въ часъ дня явился перебѣжчикъ полякъ и объявилъ, что шведы готовятся наступать.

— На начинающаго Богъ!—воскликнулъ царь и велѣлъ войскамъ выходить изъ ретраншементовъ и строиться въ полѣ. Затѣмъ онъ объѣхалъ войска.

— Товарищи!—говорилъ царь солдатамъ и офицерамъ, — завтра покончимъ мы войну битвою съ непріателемъ уже въ половину побѣжденнымъ. Съ нами Богъ и побѣда! Богъ крѣпкій во браняхъ...—и добавилъ:—Вѣрующему все возможно...

Затѣмъ, обратился къ полковникамъ, собраннымъ отдѣльно:

— Порадѣйте, товарищи! Церковь и отечество ждуть нашего подвига!

Все войско отвѣчало царю единодушными восторженными кликами:

-- Съ нами Богъ! ура!..

И съ именемъ Божьимъ на губахъ, полки начали занимать свои мѣста. Семнадцать конныхъ и два пѣхотныхъ стали за редутами, между двумя лѣсами. Пятьдесятъ восемь батальоновъ пѣхоты поставлены были у ретраншемента; за ними нерегулярная войска; шесть полковъ конныхъ поддерживали связь съ казаками, расположенными у Полтавки.

По приказу царя, конница должна была задерживать непріятеля какъ можно дольше у редутовъ, а затѣмъ, отступивъ направо, соединиться съ главной арміей, подъ прикрытіемъ артиллеріи ретраншемента, и всѣ войска быстро двинутся на непріятеля.

Вечеромъ того же дня призвалъ Карлъ XII главнокомандующаго Реншильда и приказалъ готовить войска въ бой. Когда Реншильдъ попросилъ дать ему диспозицію, король отвѣтилъ съ своей самоувѣренностью:

— Я самъ буду съ вами.

Наступила короткая лѣтняя ночь. Ни въ русскомъ станѣ, ни въ шведскомъ лагерѣ никто не спалъ: всѣ готовились къ битвѣ. Въ полночь шведы построились передъ русскими редутами: пѣхота въ четыре, а конница въ шесть колоннъ. Привезли въ качалкѣ блѣд-

наго страдающаго короля. Видь войска оживиль Карла XII и весело говорилъ онъ съ солдатами, офицерами, обѣщая имъ обѣдать на завтра у царя, напоминая Нарвское пораженіе русскихъ, хотя съ тѣхъ поръ тысячи шведовъ, товарищей слушавшихъ короля, пали отъ русскаго оружія, усеявъ своими костями Прибалтійскій край, поля Литвы, Польши, Малороссіи.

— Друзья! я съ вами — идите, куда ведетъ васъ слава! воскликнулъ Карль XII.

Какая пропасть между этими горделивыми словами, полными безграничной вѣры въ себя, и словами царя, трогательно полагавшагося въ своемъ смиреніи христіанина прежде всего на Бога и на правоту своего дѣла. Именно въ этомъ обращеніи двухъ монарховъ, вмѣстѣ полководцевъ, къ своимъ войскамъ передъ сраженіемъ, сказалась глубокая разница этихъ двухъ сильныхъ, талантливыхъ натуръ. Карль XII думалъ, заботился главнымъ образомъ о своей военной славѣ, которой готовъ былъ принести въ жертву и принесть благо своего государства.

Петръ, наоборотъ, жилъ, работалъ, воевалъ ради счастья, величія Россіи, на службу которой клалъ всего себя, не щадя ни силъ, ни здоровья, ни самой жизни!

Едва начало свѣтать, какъ загрохотали пушки съ русскихъ редутовъ.

„И грянулъ бой—Полтавскій бой“!..

Шведы неудержимо бросились вперед, не смотря на ядра, картечь и захватили два редута, тогда какъ шведская конница, прорвавшись въ промежуткѣ редутовъ, вступила въ бой съ русской конницей. Видя это, Петръ приказалъ конницѣ отступить, но такъ, чтобы подвести непріятели подъ пушки ретранше-мента. Шведы, разгоряченные успѣхомъ и не замѣчая, что часть ихъ, подъ начальствомъ Рооса, продолжаетъ биться у редутовъ, кинулись радостно за отступающими русскими, но, попавъ подъ сильный огонь, грянувшій имъ во флангъ, принуждены были быстро отойти на противоположный ретраншементу край поля, гдѣ заградилась пушками. А Роосъ, на котораго налетѣлъ Меншиковъ съ пятью конными полками, отступилъ въ лѣсъ у верховья Полтавки.

Такимъ образомъ, въ самомъ уже началѣ сраженія, шесть батальоновъ непріятельской пѣхоты и нѣсколько десятковъ эскадроновъ кавалеріи были оторваны отъ главной арміи и приведены въ бездѣйствіе, а затѣмъ частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ. Между тѣмъ, главное русское войско успѣло выступить изъ ретраншемента и построиться въ боевой порядокъ, въ два ряда. Оправившись отъ замѣшательства, вновь построились и шведы. Появился Карлъ XII въ качалкѣ. Появился и Петръ на своей любимой турецкой лошади Лизетъ, одѣтый въ простой темно-

зеленый кафтанъ съ красными отворотами, въ маленькой треуголкѣ безъ всякихъ украшеній, имѣя совершенно простую шпагу, про которую Александръ I, будучи еще юнымъ Великимъ Княземъ, сказалъ, что это „самая русская шпага, слѣланная побѣждать, а не щеголять“.

„И се—равнину оглашая,

„Далече грянуло ура:

„Полки увидѣли Петра.

„И онъ премчался предъ полками,

„Могущь и радостень, какъ бой“....

И могущь, и радостень, такъ какъ наступалъ наконецъ часъ расплаты съ врагомъ за Нарву, тотъ великій часъ, къ которому царь готовился цѣлые годы, идя во главѣ своего войска суровымъ путемъ войны, тяжелыхъ походовъ, сраженій, неутомимо учась самъ у врага его искусству, уча армію. И вотъ теперь онъ видѣлъ результаты этихъ трудовъ своихъ.

Передъ царемъ было уже не „стадо овецъ безъ пастыря“, какъ иронично называли иностранцы русское войско послѣ Нарвскаго пораженія. Быстро строясь, точно, толково исполняя команду начальниковъ, развертывалась передъ Петромъ опытная, закаленная въ бояхъ, строго дисциплинированная армія, грозная и количествомъ своимъ и качествомъ, а, главное, мощная духомъ, полнымъ единствомъ мысли, чувствъ съ Царственнымъ Вождемъ

своимъ, заставлявшимъ всѣхъ, съ высшихъ командировъ и кончая послѣднимъ рядовымъ, идти безстрашно въ огонь, на смерть, чтобъ побѣдить или умереть за родину.

„Его глаза сіяютъ. Ликъ его ужасенъ. Движенія быстры. Онъ прекрасенъ, Онъ весь, какъ Божія гроза“....

Чудный, но безспорно вѣрный образъ царя. Именно такимъ и долженъ онъ былъ быть въ эту рѣшительную минуту: олицетвореньемъ Божіей грозы!

— Воины! не за меня, за Отечество, за Церковь сражаетесь вы—обратился Петръ въ послѣдній разъ къ войскамъ своимъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ.—Помните Бога, поборающаго въ правдѣ. Обо мнѣ не думайте. Мнѣ не дорога жизнь. Была-бъ только счастлива и славна Россія. Впередь!...

Было около девяти часовъ утра.

Пушки загремѣли и выстрѣлы слились въ одинъ ужасный ревъ. Затѣмъ смолкли. Русскіе и шведы сошлись и начался отчаянный смертельный бой на сабляхъ, штыкахъ. Обѣ стороны дрались съ равной храбростью, но натискъ шведовъ былъ такъ силенъ, что даже испытанный новгородскій полкъ, на который, какъ предвидѣлъ царь, ударилъ главнымъ образомъ непріятель, не выдержавъ, дрогнулъ. Линія была прорвана и русскіе готовы обратиться въ бѣгство. Въ эту роковую минуту примчался съ преображенцами Петръ, руко-

водившій все время битвой, отдавая приказанія, ободряя воиновъ.

Цѣлыхъ полчаса длилась мучительная неизвѣстность, кто возьметъ верхъ. Двѣ пули пробили уже шляпу и сѣдло царя, а третья ударила его въ грудь. Но ковчегъ съ крестомъ и мощами, возложенный Петромъ на себя, спасъ царя и вмѣстѣ Россію. Наконецъ вновь былъ водворенъ порядокъ въ русскихъ рядахъ и врагъ отраженъ. Эта желѣзная стойкость русскихъ ихъ мужество, доходящее до геройства, не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на непріятеля. При томъ шведы, какъ сказано уже выше, избалованные продолжительной, роскошной стоянкой въ Саксоніи, утратили уже часть своихъ прежнихъ военныхъ доблестей и замученные тяжелымъ походомъ по Польшѣ и Украинѣ, ничуть не раздѣляли воинственности своего короля, но желали мира, возвращенія на свою далекую родину. При такомъ настроеніи довольно было теперь малѣйшей случайности, чтобъ вызвать въ непріятельскихъ рядахъ смятеніе и панику.

Этой случайностью, рѣшившей исходъ битвы, былъ ударъ ядра, разбившаго качалку короля, выброшеннаго на землю.

Напрасно Карлъ XII, посаженный тотчасъ на скрещенныя пики, громко кричалъ! „Шведы! Шведы“!... Армія, обойденная нашими войсками съ фланговъ, тѣсняемая съ фронта, не видя при томъ короля и считая его убитымъ,

была охвачена паникой и бѣжала съ поля сраженія по всеѣмъ направленіямъ, преслѣдуемая русскими, бросивъ пушки. Артиллерія, конница, пѣхота, запорожцы, поляки все смѣшалось въ этомъ безпорядочномъ бѣгствѣ, Бѣжалъ, вѣрнѣй, увлеченъ былъ приближенными съ поля битвы Карлъ XII, посаженный на коня. Бѣжалъ также, захвативъ свои сокровища, измѣнникъ Мазепа.

Царь скакалъ по затихшему полю, прекращая рѣзню шведовъ, водворяя порядокъ. До девяти тысячъ непріятельскихъ труповъ покрывали поле сраженія. Фельдмаршалъ Реншельдъ, первый министръ короля графъ Пиперъ, принцъ Виртенбергскій, восемь генераловъ и полковниковъ, 132 офицера и болѣе двухъ тысячъ солдатъ были взяты въ плѣнъ. Весь лагерь непріятельскій, обозъ, королевская казна, канцелярія достались русскимъ въ добычу.

— Здравствуйте, дѣти!—радостно обратился Петръ къ генераламъ и штабъ-офицерамъ, ожидавшимъ царя у шатра, и обнялъ ихъ.— Благодарю васъ за подвиги, за побѣду! Богъ видитъ труды ваши и потомство не забудетъ васъ!

— Государь, Ты одушевлялъ, Ты укрѣплялъ сердца наши. Тебѣ одолжены побѣдой! Ты въ рѣшительный часъ, когда шведъ прорвалъ ряды наши, явился спасителемъ, не щадя

своей жизни...—отвѣчали ему Меншиковъ и Голицынъ.

Передъ войскомъ была поставлена походная церковь и въ ней, при пушечной пальбѣ, отслуженъ благодарственный молебенъ. Затѣмъ царь объѣхалъ войско и велѣлъ его угощать. Солдаты почти сутки ничего не ѣли. Измученный, голодный, но счастливый сѣлъ и царь обѣдать съ своими генералами, главными офицерами, пригласивъ также плѣнныхъ шведовъ.

Царь безъ шляпы, привѣтливо встрѣтилъ ихъ, радушно угощалъ, возвратилъ имъ шпаги, хвалилъ Реншильда, утѣшалъ его и наконецъ, поднявъ бокалъ, возгласилъ:

— Пью здоровье нашихъ учителей!

— Кого вы называете такимъ лестнымъ именемъ? спросилъ Реншильдъ.

— Васъ, господа, шведовъ. Вы научили насъ военному искусству, отвѣтилъ царь.

— Хорошо же ученики отблагодарили учителей! Замѣтилъ съ улыбкой Реншильдъ.

Отпустивъ съ честью плѣнныхъ, царь, не отдыхая, посѣтилъ лазареты, утѣшалъ раненыхъ, принималъ донесенія, отправилъ преслѣдовать шведовъ Голицына и Бауера, а затѣмъ въ подмогу имъ послалъ еще Меншикова. Упоенный радостью, царь сообщилъ также многимъ лицамъ собственноручно о „зѣло превеликой, преславной викторіи“....

Положившей „камень во основаніе Петербурха“... какъ писалъ Петръ Апраксину.

На слѣдующій день происходило погребеніе убитыхъ. Были выкопаны двѣ большія могилы.

Царь со слезами, самъ пѣлъ съ священниками. Пасторы, сопровождавшіе войско Карла XII, похоронили шведовъ.

На высококомъ холмѣ, насыпанномъ надъ могилой, царь водрузилъ крестъ съ надписью: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 г., іюня въ 27 день“. Этотъ холмъ уцѣлѣлъ до настоящаго времени и зовется у народа „шведскою могилою“.

Отдавъ должное мертвымъ, царь поспѣшилъ въ Полтаву. Келинъ и мужественные защитники города встрѣтили Петра торжественно у воротъ и со слезами, на колѣняхъ благодарили за спасеніе. Въ свок очередь царь благодарилъ всѣхъ за геройскую защиту, поцѣловалъ Келина въ голову и объявилъ награды. Самъ же Петръ, числившійся лишь полковникомъ, по просьбѣ войска, принялъ чинъ генераль-лейтенанта, а на морѣ — шаутбенахта, т. е. вице-адмирала.

29 іюня царь отпраздновалъ весело и шумно день своего ангела, угощалъ войска на полѣ битвы и, ходя между рядами, говорилъ: „Хлѣбъ-соль, товарищи!“ и самъ закусывалъ, выпивалъ съ солдатами.

Тревожась за участь войска, посланнаго

въ догонку шведовъ, царь отправился къ Переволочнѣ, на берегу Днѣпра, гдѣ остановилась армія Карла XII. Но когда царь прибылъ, всё было уже кончено: шведы положили оружіе.

Карль XII и Мазепа успѣли спастись, переправившись въ лодкахъ на другой берегъ. Спаслись вплавь запорожцы и часть конницы. Вся же армія, до шестнадцати тысячъ чело-вѣкъ, измученная, голодная, не имѣя при томъ пороху, упала окончательно духомъ и сдалась въ плѣнъ Менъшикову.

Этой сдачей завершилась Полтавская побѣда, торжественно отпразднованная въ Москвѣ.

И хотя Сѣверная война тянулась еще цѣлые годы, до Ништадтскаго мира (1721 г.) на поляхъ Полтавскихъ былъ нанесенъ могуществу Швеціи смертельный ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла оправиться. Гегемонія ея перешла теперь къ Россіи, ставшей твердой ногой на побережьи Балтійскаго моря, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность распространить затѣмъ свои завоеванія на весь югъ.

Рѣшивъ участь Швеціи, Полтавскій бой рѣшилъ также участь Польши, недавно еще надменно диктовавшей свои законы русскимъ царямъ, оказавшейся теперь въ полной зависимости отъ Петра, при чемъ вопросъ о раздѣлѣ этого государства сталъ лишь вопросомъ времени.

— Лешинскій бороду отпустилъ для того,

что корона его умерла...—писаль Петръ Ека-
теринѣ.

Но свободно вздохнула за то вся Мало-
россія, избавившись отъ грозившаго ей новаго
подчиненія полякамъ, вѣковымъ врагамъ ея
вѣры и народности. Восторженно, какъ спа-
сителя, принялъ украинскій народъ царя въ
Кіевѣ.

— Побѣжденъ врагъ отъ древняго времени
сильный, гордый, дерзкій, сосѣдомъ своимъ
тяжелый, народомъ страшный!..—Красноръ-
чиво восклицаль, привѣтствуя царя въ Печер-
ской Лаврѣ, ректоръ академіи Θεоданъ Про-
коповичъ.

Во истину, побѣжденъ!

И вся Европа, съ тѣмъ же единодушiемъ,
съ какимъ недавно отталкивала руку царя,
напрасно протягивавшуюся къ ней за под-
держкой, слѣшитъ теперь поздравить побѣди-
теля, заискиваетъ въ царѣ, чтобъ заручиться
мощью Россіи для своихъ цѣлей. Пруссія,
Франція, Ганноверъ, Данія шлютъ пословъ
къ Петру съ изъявленіями дружбы, предло-
женіями свиданій, союзовъ, не заикаясь боль-
ше о субсидіи, на которой еще недавно на-
стаивала Данія. А герцогъ Вольфенбюттельскій,
затянувшій переговоры о бракѣ царевича
Алексея съ принцессой Шарлоттой, считая
Россію слишкомъ ничтожною, а положенье
Петра на тронѣ шаткимъ, торопится окончить

брачный договоръ, счастливый что можетъ породниться съ Полтавскимъ побѣдителемъ.

Таковы были результаты Полтавскаго боя во внѣшней политикѣ Петра. Подъ громъ полтавскихъ пушекъ, Россія взошла полноправнымъ членомъ въ политическую систему европейскихъ государствъ и заняла въ ней одно изъ первыхъ мѣстъ. Этихъ результатовъ не могли уже впоследствии уничтожить ни интриги завистливыхъ державъ, ни происки Карла XII, ни даже неудачная война съ Турціей. День Полтавской битвы сталъ для Россіи, дѣйствительно, какъ называли его Петръ и Екатерина: „начальнымъ днемъ счастья“, днемъ „русскаго воскресенія“...

Воскресенія для той новой, въ корень преобразованной жизни, ради которой исключительно Петръ вступилъ въ тяжелую борьбу съ Карломъ XII, одержавъ надъ нимъ верхъ прежде всего потому, что, уступая королю какъ полководцу, Петръ, какъ государственный дѣятель и правитель, былъ несравненно выше его. Именно на поляхъ Полтавскихъ, залитыхъ русской кровью, вмѣстѣ съ камнемъ во основаніе Петербурга, былъ положенъ прочный фундаментъ для безсмертнаго дѣла царя: просвѣщенія Россіи, приобщенія ея къ культурной жизни Запада. Руки Петра были наконецъ развязаны и царь могъ свободно трудиться „во управленіе гражданскихъ дѣлъ“.

Эту тѣсную, неразрывную связь между славной Полтавской побѣдой и великимъ дѣломъ царя—внутренняго переустройства Россіи, его реформъ, отлично сознавали всѣ болѣе менѣе просвѣщенные умы того времени. Дѣйствительно, одержи Карлъ XII побѣду и недовольство народа, утомленнаго войной, раздраженнаго „новшествами“ царя, перешло бы въ бунтъ и неизбежную реакцію, слѣдствіемъ которой было-бъ полное ослабленіе вмѣстѣ одичанье Россіи, отодвинутой затѣмъ въ Азію, какъ не разъ мечтали ея враги.

Но Провидѣнье хранило наше отечество въ лицѣ его геніальнаго монарха! И даже тотъ самый Лейбницъ, который радовался пораженью русскихъ при Нарвѣ, послѣ Полтавской побѣды, показавшей всей Европѣ силу, мощь русскаго народа, пишетъ, что онъ „радъ водворенію въ Россіи разума и порядка“, что теперь „никто не станетъ препятствовать Петру въ дѣлѣ образованія его подданныхъ“.

Вотъ въ чемъ заключается самое главное и великое значеніе для Россіи безсмертной Полтавской битвы, по словамъ Вольтера, „единственнаго въ исторіи сраженья, слѣдствіемъ котораго было не разрушеніе, а счастье человѣчества“.

Прежде же всего, прибавимъ, нашего дорогого отечества!

Цѣлыя поколѣнія уже воспользовались плодами этого счастья, какъ пользуемся теперь

мы, дожившіе до торжества двухсотлѣтняго юбилея Полтавской побѣды, какъ будутъ пользоваться ими наши внуки, правнуки. И пока стоитъ Россія, память о Полтавской битвѣ не умретъ въ сердцахъ ея благодарныхъ сыновей, но будетъ вѣчно жить вмѣстѣ съ священной памятью Того, Кто силой своего гения превратилъ слабое полуазиатское московское царство въ сильное культурное *славянское* государство, въ первоклассную мощную европейскую державу, ставъ самъ Императоромъ Всероссийскимъ съ титуломъ Великаго!

К О Н Е Ц Ъ .

33713/
2